

Глава 1

Семьсот лет утекло с тех пор, как я бежал из Девяти Преисподних.

Пятьсот лет — как покинул Лес Десяти Тысяч Демонов в мире оборотней.

Два века назад, когда во главе Великой Чжоу уже двести лет стоял род Сюаньюань, я попытался занять тело новорождённого принца. Тот опыт оказался до смешного мимолётным: едва покинув материнское лоно, я не успел даже вдохнуть здешний воздух, как меня отравили.

И вот наконец мне снова подвернулось подходящее тело...

Призрачный силуэт, изящный и зыбкий, безмолвно застыл у покоев Первой госпожи в усадьбе клана Ху в Цзинду. Пять месяцев дух не покидал этого места, терпеливо ожидая, когда дитя в утробе госпожи Ху явится на свет.

Он подолгу наблюдал за ней.

Плод в её чреве рос и креп, однако ни одна душа так и не пришла, чтобы вдохнуть в него жизнь.

Для бесплотного скитальца это был редкий шанс. Он прекрасно знал, что законы здешнего мироздания давно дали трещину.

В последнее время людские младенцы то и дело рождались бездыханными — в народе это называли смертью во чреве. Виной всему был разлад в Подземелье Девяти Недр: после великой битвы между праведными школами и демонами Подземелье Девяти Недр запечатало свои врата, прервав круговорот перерождений. Души усопших больше не могли вернуться в мир живых.

И хотя на Западном континенте великие мастера бессмертных искусств уже пытались исправить положение и восстановить сансару, до полного очищения путей было ещё далеко.

Дух тихо вздохнул.

"Нужно успеть занять это пустокровное тело, пока они не навели порядок. Стоит вратам распахнуться вновь, и новоявленный Владыка мёртвых живо приберёт к рукам таких беглых призраков, как я".

Восточный континент мира Цзюньчжоу, царство смертных. Двадцать девятый год правления императора Дигэна из Империи Великая Чжоу. С тех пор как беглый дух вселился в мертворождённого младенца, минуло семь лет.

Теперь его звали Ху Пэй, и он был девятым молодым господином в благородном семействе Ху.

В это утро тишину его Дворика Нефритового Ириса нарушил истошный крик:

— Сяо Цзю, просыпайся скорее! Наш боевой петух вырвался на волю!

Ху Пэй мгновенно стряхнул остатки сна. Даже не взглянув на своего шестого брата, Ху Яна, он прямо как был, босиком, бросился к птичнику на заднем дворе.

Его тонкие, белые, точно точёный нефрит, ступни мелькали на фоне тёмной земли. Казалось, будто первый зимний снег едва коснулся замшелых кирпичей и тут же растаял.

Он стремительно вылетел из Сада Сосен и Бамбука. Налетев на неровную галечную тропинку, мальчик болезненно шикнул, но бега не замедлил — боевой петух по кличке Генерал был слишком ценным сокровищем, чтобы упустить его.

— Ко-ко-ко-ко...

Петух, щеголявший золотисто-чёрным оперением с изумрудным отливом, вовсю горланил, лениво расхаживая кругами возле гнезда. Помахивая пышным, ярким хвостом, он то и дело забавно дёргал шеей и глуповато таращился по сторонам.

"О, явился наконец мой двуногий слуга, который пылинки с меня сдувает. Ко-ко..."

Облегчённо вздохнув, Ху Пэй прищурил свои и без того узкие лисьи глаза и сердито уставился на шестого брата, который в этот момент увлечённо изучал облака, лишь бы не встречаться с ним взглядом.

— Ну ты и дубина, братец! — в голосе Ху Пэя отчётливо звенело утреннее раздражение. — Этот петух решит исход сегодняшнего поединка с Чао Цо! И ты решил так меня напугать... нет, ты серьёзно поднял меня этим криком с постели?!

Ху Ян, прекрасно знавший вспыльчивый нрав кузена, виновато потёр нос и заискивающе улыбнулся:

— Ну... я же звал тебя несколько раз, а ты спал как сурок. Если бы ты сейчас не встал, мы бы точно опоздали.

Он тут же перевёл стрелки, добавив ворчливо:

— И вообще, сам знаешь, сколько у тебя времени уходит на сборы. Наряжаешься дольше, чем девица на выданье.

Ху Пэй в гневе упёр руки в бока и замахнулся было ногой, чтобы отвесить кузену пинка, но острая боль от порезанной ступни тут же отразилась на его лице.

Его лицо, точёное и прекрасное, как лепестки лотоса, исказилось, точно нежный цветок под порывом бури. Стиснув зубы, он сердито махнул рукой.

Верный слуга Ху Сун, который уже поджидал неподалёку, тут же подскочил и подставил под него чистую, начищенную до блеска сандаловую скамеечку.

Стоило Ху Пэю сесть, как другой слуга, Ху Линь, торопливо поставил перед его босыми ногами тяжёлый медный таз, украшенный гравировкой в виде бамбука и орхидей. Он уже собирался опустить ступни молодого господина в воду и омыть их, но Ху Пэй остановил его лёгким жестом.

Чуть приподняв изящный подбородок, он указал взглядом на притихшего Ху Яна.

— Мыть будешь ты, — прищурился он.

Ху Ян обречённо вздохнул.

"Ну и лентяй... Вечно изнеживает себя. Но что поделать, если перед тобой сам господин Линцзюнь, чья слава гремит на всю столицу?"

Ху Ян покорно вымыл брату ноги, а Ху Линь бережно промокнул их мягкой тканью и аккуратно натянул белоснежные носки и туфли, которые предусмотрительно вытащил из-за пазухи.

Подоспевшие слуги споро облачили Ху Пэя в самую простую повседневную одежду из лёгкого белого шёлка и закололи его волосы изящной шпилькой из светлого нефрита. Но даже этот непритязательный наряд не мог скрыть его неземной, утончённой красоты.

Оттеснённый в сторону Ху Ян лишь качал головой, глядя на это зрелище.

"Мы ведь оба молодые господа из рода Ху. Но почему он устраивает такие церемонии с таким невозмутимым видом? В его дворе уже шныряют двое слуг и служанка, так он ещё у матушки ухитрился выпросить двоих на побегушках. Невероятно".

Белоснежные одежды Ху Пэя должны были сиять чистотой, словно лебяжье перо, без единой пылинки. Волосы — лежать волосок к волоску, аккуратно собранные под заколку... Он и впрямь был прекрасен, словно лотос, поднявшийся над прозрачной гладью пруда, являя собой само воплощение чистоты и изящества.

Если бы не строгие устои семьи Ху, господина Линцзюня, вероятно, давно нарекли бы просто божественным отроком.

Род Ху славился в Великой Чжоу со времён основания империи династией Сюаньюань — вот уже более двухсот лет. Они традиционно придерживались скромности, верности престолу и никогда не ввязывались в придворные интриги.

В их доме царил дух умеренности и строгости, здесь не знали роскоши и никогда не притесняли слуг.

По крайней мере, никто в семье не позволял себе так помыкать прислугой, как это делал Ху Пэй.

Однако против его очарования не мог устоять ни стар ни млад.

Шестидесятилетняя старая госпожа Ху души в нём не чаяла. Грудные младенцы у материнской груди затихали и расплывались в улыбке, стоило ему пройти мимо.

Даже хозяйки публичных домов при виде него забывали о выгоде, готовые сами доплатить, лишь бы этот юноша обратил на них внимание.

Простые прачки у ручья вздыхали, думая, что будь это их дочь, от женихов отбою бы не было.

Что уж говорить о молодых девицах, мечтавших о нём как о суженом, и о зрелых матронах, для которых он стал прекрасным сном. Даже скотина в усадьбе сходила с ума: лошади в конюшнях призывно ржали, куры устраивали переполох, а свиньи лезли на ограду загонов, стоило ему показаться на пороге.

Отец Ху Пэя, частенько гневался на проказы сына, но стоило тому без запинки процитировать наизусть "Летопись рода Сюаньюань" или древние трактаты, как весь гнев родителя испарялся. Отец лишь сокрушался, почему сам ещё не ушёл на покой — иначе он давно пристроил бы этого лоботряса на государственную службу, подальше от домашних стен, где тот целыми днями изнывал от безделья, собирая со всей округи кокетливые взгляды, корзины с фруктами и надушенные платки.

Помимо лица, Ху Пэй завораживал своей бесконечной, сонной негой. Это была ленивая грация, пропитавшая каждую его косточку.

Стоило ему небрежно скрестить руки на груди и бросить случайный взгляд из-под полуопущенных ресниц, как толпы людей выстраивались в очередь, готовые сложить за него головы.

А когда он шурился, в его глазах вспыхивал такой манящий огонёк, что случайные прохожие замирали, сокрушаясь в душе, что не могут взять его за руку и связать свои судьбы на десять жизней вперёд.

А ведь Ху Пэю едва исполнилось семь лет.

Всего семь — а в нём уже сквозило такое колдовское очарование.

Впрочем, люди не называли его бесовским отродием. Для всех он был господином Линцзюнем.

"Лин" — связующий с богами, "Цзюнь" — удерживающий равновесие земли.

Сошедшее в мир божество — невероятная, неслыханная похвала для столь юных лет.

Ху Ян никак не мог взять в толк эту его особенность.

"Ему только семь, а он уже сводит всех с ума, — думал он. — Что же будет, когда ему исполнится восемнадцать? Настоящий небожитель спустится на землю?"

Но как бы шестой брат ни ворчал, он и сам был частью той же толпы обожателей, готовых по первому зову броситься на защиту Сяо Цзю. В глубине души он презирал собственное малодушие, но ничего не мог с собой поделать, испытывая одновременно и стыд, и сладостное удовольствие.

Сам же Ху Пэй прекрасно понимал природу своего обаяния. Неземной облик достался ему благодаря древней печати перерождения, с которой его душа переселилась в это тело. Да и умом он давно превосходил обычных семилеток.

Мальчик лениво поманил Ху Яна тонким пальцем.

Тот послушно подскочил ближе, расплывшись в глуповатой улыбке:

— А-Пэй, чего тебе?

Казалось, у него сзади вот-как завиляет невидимый собачий хвост.

Ху Пэй сохранял полное спокойствие. На его лице не отразилось ни высокомерия, ни смущения

— он лишь привычным движением качнул головой.

Ху Ян мгновенно всё понял и угодливо подставил спину, слегка согнув колени.

Когда кузен устроился поудобнее, Ху Ян поднялся и слегка подбросил его, усаживая покрепче:

— А-Пэй, да ты весишь меньше кошки!

— Зато я легко одолею этого девятилетнего толстяка Чао Цо, — лениво отозвался Ху Пэй, не лишённый детской спеси. — Шестой брат, я проголодался.

Ху Сун тут же отрапортовал:

— Молодой господин, в главном зале всё готово к завтраку.

— Мы приготовили вашу любимую пшённую кашу с курицей, — добавил Ху Линь. — А ещё доставили пирожные долголетия из лавки "Фушоу".

Ху Пэй удовлетворённо кивнул и мимолётным жестом облизал губы. От этого простого движения оба слуги на мгновение потеряли дар речи, застыв на месте.

Ху Ян, шагавший вперёд и не видевший этой сцены, тоже сглотнул слюну от голода:

— В нашем доме отродясь не подавали ничего, кроме жидкой каши да пресных овощей. Откуда взялись курица и сладости? Не иначе как опять кто-то принёс спозаранку?

"Неужели девица Фань Иньцы из соседней усадьбы? — с завистью подумал он. — Везёт же некоторым".

Придя в себя и заметив, что Ху Пэй снова прикрыл глаза, дремля на плече шестого брата, Ху Сун поспешил ответить:

— Супруга младшего советника из соседнего дома прислала слуг с дарами.

Ху Ян неодобрительно покачал головой:

— И вы приняли? Не боитесь, что вашего ненаглядного господина отравят?

"Ха, значит, не сама молодая госпожа принесла", — злорадно подумал он, и на душе у него сразу стало чуточку легче.

— Мы поначалу вежливо отказались, — торопливо вмешался Ху Линь. — Но госпожа Фань лично явилась со своими слугами, принесла всё с пылу с жару и даже попробовала еду при нас, подтверждая, что яда нет.

Ху Пэй, только что предвкушавший лакомство, лениво повернул голову и посмотрел на слугу. Под этим взглядом бедный Ху Линь густо покраснел.

— Значит, она её ела? — небрежно процедил мальчик.

— Все в округе знают о ваших привычках, молодой господин! Она пробовала прямо из общего горшка, но пользовалась чистой ложкой... — Ху Сун вовремя понял, что сболтнул лишнее.

— И всё же она к ней прикоснулась! — Ху Пэй сердито шлёпнул кузена по плечу. — Шестой брат, поворачивай к старой госпоже.

— А как же пирожные? — удивился Ху Ян. — Мы же их дай бог раз в год видим!

— Твой девятый брат брезгует тем, к чему прикасались чужие руки, — прищурился Ху Пэй. — Если хочешь — иди и ешь сам. А меня опусти на землю, я пойду позавтракаю у бабушки.

При мысли о нежном вкусе сладких пирожных у Ху Яна потекли слюнки. Но и отпускать тёплого, уютного Сяо Цзю ему не хотелось. Стиснув зубы, он решительно скомандовал:

— Не бывать этому! Ху Сун, хватай пирожные и неси их к бабушке. Мы позавтракаем там вместе.

Ху Сун покосился на стоявшего рядом товарища и толкнул его локтем, безмолвно приказывая подчиниться.

Ху Линь возмущённо вытаращил глаза.

"С какой стати? Мы оба личные слуги молодого господина и равны по положению. Я от него ни на шаг не отойду!"

Пока они вели этот безмолвный спор, Ху Пэй холодно посмотрел на них. Обоих слуг словно ушатом ледяной воды окатило.

Ху Линь сдался первым. Недовольно фыркнув в сторону напарника, он развернулся и побежал выполнять приказ.

Ху Ян поудобнее перехватил кузена и направился к покоям старой госпожи Ху. По пути он

принялся размышлять вслух:

— А-Пэй, старшие братья уже при деле. Отец говорит, что в следующем году собирается купить мне чиновничью должность. Как думаешь, какое ведомство мне больше подойдёт?

Ху Пэй, полуприкрыв глаза, лениво отозвался:

— В начале обучения ты налегал на историю и словесность, но как у тебя дела со сложными вычислениями и естествознанием? Сейчас конфуцианцы правят страной, объединяя под своим началом сотни учений. Чтобы преуспеть, нужны и глубокие познания, и немалые средства для покупки доброго имени. А все семейные сбережения уже ушли на то, чтобы устроить дела старшего, второго и третьего братьев. С чего ты взял, что очередь дойдёт до тебя? Третий дядя рассуждает слишком легкомысленно.

Ху Ян на мгновение застыл и попытался шутливо боднуть головой плечо брата.

Ху Пэй увернулся, выпрямился и открыл глаза:

— Разве я не прав?

"Я точно не мог ошибиться, — рассуждал он про себя. — Птицы, что свили гнёзда на старой сосне у моих покоев, каждый день летают к Императорской академии клевать зерно, которое им сыплют ученики. А по вечерам они без умолку щебечут обо всех академических сплетнях. Да и мыши под полом шныряют по всей усадьбе и знают каждую тайну нашей семьи. Мои уши меня ещё ни разу не подводили".

Видя, что шестой брат притих, Ху Пэй безжалостно продолжил:

— Старший брат успешно окончил академию, у него действительно есть способности. Но даже на его благотворительность и создание безупречного образа ушли огромные деньги. В Великой Чжоу чиновник должен обладать и умом, и тугим кошельком. Раз уж трое старших уже пробили себе дорогу, зачем нам с тобой лезть из кожи вон?

Они как раз вошли во двор старой госпожи Ху. Согбенная годами, но на диво бодрая старушка стояла на крыльце, опираясь на резную трость.

— Сяо Цзю опять поддразнивает шестого брата? — весело проворчала она. — Негодник.

Ху Ян сделал несколько быстрых шагов и заискивающе улыбнулся:

— Только бабушка меня и жалеет!

Он бережно опустил Ху Пэя на землю и потянулся обнять старушку, но та лишь небрежно отстранила его рукой и ласково поманила к себе младшего внука.

Ху Ян обиженно надулся:

— На словах вы за меня, а на деле всё равно любите только Сяо Цзю!

Проворчав это, он перешагнул через высокий порог и отправился на поиски еды.

Старая госпожа Ху негромко рассмеялась. Она взяла Ху Пэя за руку, слегка сжала его ладонь и с мягкой улыбкой произнесла:

— Вечно ты морочишь голову своему шестому брату. Хотя у нашей семьи и нет лишнего золота, но вековая безупречная репутация крепка. К тому же твои старшие кузены уже служат государству, и их жалования вполне хватит, чтобы безбедно содержать Сяо Лю. Что же до тебя... Тебе не нужны грязные монеты смертных для покупки славы. Одно имя господина Линцзюня открывает перед тобой любые двери.

Услышав это, Ху Ян замер на пороге и с улыбкой обернулся:

— Выходит, бабушка всё-таки печётся обо мне! Ха-ха... А-Пэй, с таким лицом тебе и учиться не надо, любая должность сама в руки приплывёт.

За эту дерзость он тут же получил лёгкий удар тростью по спине от старой госпожи. Ойкнув, Ху Ян поспешил скрыться в зале и велел служанке Ляньдун подавать завтрак.

Старая госпожа Ху всегда сильно мёрзла по утрам, но стоило ей взять Ху Пэя за руку, как стужа отступала. От его ладони исходило мягкое, живительное тепло, согревавшее её изнутри и возвращавшее силы.

Усаживаясь в кресло, она велела служанке Лянься распахнуть резные двери и узорчатые окна по обе стороны зала.

Утреннее солнце мгновенно залило комнату тёплым золотистым светом.

Ху Ян преданно замер у стола, ожидая еду.

Вскоре Ляньдун принесла большую миску разваренной, нежной рисовой каши и три скромные закуски: солёные бобы, утиные яйца и маринованные побеги молодого бамбука.

Шестой брат так и ел глазами входную дверь, пока наконец во дворе не появился

запыхавшийся Ху Линь с лакированным коробком для еды в руках.

Ху Ян так и подпрыгнул на месте:

— Ну наконец-то! Неси скорее сюда! Бабушка, смотрите, это праздничные пирожные и каша с нежным куриным филе. Ещё совсем горячие!

— Хм, госпожа Иньцы прислала их на рассвете, а наши кухарки лишь держали их на пару, чтобы не остыли. С чего бы им быть холодными? — добродушно усмехнулась старая госпожа, прекрасно знавшая обо всех столичных слухах.

Ху Пэй помог бабушке устроиться на почётном месте и сел рядом. Старушка по-прежнему не выпускала его ладонь из своих рук. Мальчик равнодушно взглянул на восторженного кузена:

— Шестой брат вечно падок на то, что уже побывало в чужих руках.

"Пользуется моим именем, чтобы играть в любовь с соседской дочкой", — насмешливо подумал он.

Ху Ян обиженно надул губы:

— Госпожа Фань и лицом прекрасна, и душой добра. Чем она тебе не угодила? Поднялась ни свет ни заря, чтобы порадовать тебя вкусным завтраком, а в ответ ни слова благодарности — одно высокомерие!

— Глупости говоришь, — мягко оборвала его старая госпожа. — Сяо Цзю вовсе её не презирает, он просто не привык есть то, что приготовлено за пределами нашего дома. Кушай кашу. Кухарки томили её в глиняном горшке с самого рассвета, сейчас она как раз набрала сладость и остыла до нужной температуры.

Ни Ху Пэй, ни старая госпожа даже не прикоснулись к принесённым деликатесам, предоставив Ху Яну возможность в одиночку расправиться с пирожными.

Старая госпожа Ху лишь молча улыбалась.

"Сяо Цзю и девица Фань не пара, — размышляла она. — А вот наш шестой по возрасту ей в самый раз подходит. Да и супруга младшего советника, помнится, намекала на это при последней встрече. Пусть парень наедается, глядишь, и беседа с молодой госпожой пойдёт ладнее".

Ху Ян уплетал за обе щеки изысканное угощение, даже не подозревая, что его судьбу уже всюю вершат за его спиной заботливая бабушка и соседская матушка.

Заметив, как Ху Сун заботливо подносит ложку к губам Ху Пэя, он снова недовольно покачал головой:

— Даже у бабушки нет таких замашек. Неужели трудно самому ложку держать? Вечно тебе прислугу подавай.

Ху Пэй пропустил его ворчание мимо ушей.

В доме Ху испокон веков ценили простоту и самостоятельность. Даже старую госпожу обслуживали всего две служанки.

Ху Пэй же ухитрился завести двоих слуг и личную служанку. Правда, девица оказалась ещё ленивее своего хозяина: весь день она беспробудно спала в дальнем углу покоев и показывалась на глаза только после захода солнца.

— Ешь быстрее, шестой брат, — поторопил его Ху Пэй, отодвигая пиалу. — Если мы опоздаем на арену, этот пухляк Чао Цо решит, будто я его испугался.

<http://bllate.org/book/18313/1756733>